

Проф. Н. А. Машкин

КАРФАГЕНСКАЯ ДЕРЖАВА ДО ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН

В течение по крайней мере трех столетий Карфагенская держава, расширявшая свою власть на значительную часть североафриканского побережья, западную Сицилию и другие острова, лежащие к западу от нее, на южное побережье Испании, была самым значительным государством западного Средиземноморья, и нет никаких оснований сводить историю последнего к истории Рима, который лишь в конце IV в. приобрел общепиталийское значение, а значительную международную роль стал играть лишь после победы над Карфагеном. Античные памятники сохранили сравнительно мало сведений по истории пунического Карфагена¹.

Недостаточно подробное освещение истории Африки² было бы вполне закономерным, если бы оно происходило только от недостатка источников. Но для буржуазной историографии это связано и с методологическими предпосылками. Греция и Рим считаются такими историческими центрами, где интересна всякая деталь, Карфаген же — нечто препятствующее историческому развитию, какой-то тормозящий фактор. Характерен в этом отношении тезис Карштедта, положенный им в основу его труда по Карфагену, являющегося продолжением работы Мельцера. В предисловии

¹ Нам ничего не известно о трудах карфагенских историков. Из греческих историков одним из первых подробно о Карфагене писал Тимей, послуживший источником для Диодора Сицилийского и Помпея Трога, переданного Юстином. Для истории III—II вв. особенно ценен Полибий, в трудах которого содержатся ссылки на труды других историков, излагавших историю Карфагена (например, сицилийского историка Филина). В связи с историей пунических войн истории Карфагена касался Тит Ливий. Особое значение имеют соответствующие книги Аппиана («Сицилийские войны», «Иберийские войны», особенно «Ливийские войны» и «Ганнибалова война»). Главным источником для государственного строя является «Политика» Аристотеля. Некоторые данные содержатся также в географических сочинениях и трудах по естественной истории (периплы, Страбон, Помпоний Мела, Плиний Старший). За последние десятилетия наука обогатилась значительными археологическими и эпиграфическими исследованиями.

² На русском языке краткий обзор истории Карфагена дан в книге Б. А. Тураева, История древнего Востока, II, 1935, стр. 264; из специальных работ по истории Карфагена: M e l t z e r, Geschichte der Karthager, I—II, 1879—1896; т. III (K a r s t e d t), 1913; S. G s e l l, Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, I—IV, 1920—1928 (наиболее полное, основанное на источниках, изучение). Ближе к Гвелью трактуют историю Карфагена: A. J u l i e n, Histoire de l'Afrique du Nord, Paris, 1931, а также L a r e u g e e t P e l l e g r i n, Carthage Punique, Paris, 1942. Поверхностным, касающимся преимущественно политической истории, является труд G. W a l t e r, La destruction de Carthage, Paris, 1947. Заслуживает внимания лишь систематическое изложение войн Карфагена в Сицилии.

Карштедт говорит: «на трех столпах покоилось могущество Карфагена: господство на море, политическая раздробленность цивилизованных противников в Сицилии и Италии и, наконец, беспомощное варварство в охватывавших его со стороны материка землях, откуда можно было ожидать разрушительного нашествия, но отнюдь не консолидированной, крепко сплоченной силы, которая могла бы соперничать с культурной прибрежной державой»¹. Итак, по мнению автора, выходит, что обитатели Италии и Сицилии—это законные обладатели занятых ими земель, таковым является и туземное африканское население. Карфаген же—это сила посторонняя, пришлая, существующая временно, пока не окрепли Сицилия и Италия. Но ведь, поскольку речь идет о Сицилии, соперниками Карфагена выступали не сикулы и не сиканы, но сицилийские греки, которые на таких же основаниях поселились в Сицилии, на каких карфагеняне заняли побережье Северной Африки.

I. Объединение пунических городов в Северной Африке

Пунические (финикийские) поселения появились на побережье Африки за несколько веков до того, как Карфаген превратился в могущественную державу. Основание старейшего финикийского города в Африке—Утики Плиний Старший относит к 1178 г. (XVI, 216). Древними являются и другие города (Ликс, Лептис, Гадрумет, Гипсон и др.).

Время основания Карфагена Тимей отнес к 814—813 гг. до н. э. Дату эту нельзя, конечно, признать достоверной, но те данные, которыми располагает современная археология, позволяют признать ее приблизительно правильной и считать, что Карфаген был основан на рубеже IX и VIII вв.

В течение двух примерно столетий Карфаген не возвышался над другими городами и можно скорее даже говорить о преобладании Утики. Не зная достоверной истории Карфагена, трудно говорить о причинах его возвышения. Конечно, не одно только чрезвычайно удобное географическое положение определило судьбу Карфагена. Имело значение и то, что Карфаген, главная колония Тира (самое название Quart hadasht означает «Новый город»), более тесно связанная с метрополией, после упадка последней выступил в качестве защитника и объединителя финикийских городов. Объединение же их диктовалось внешними условиями—необходимостью борьбы с греческими колонизаторами, с VIII в. не менее активно, чем финикийские, проникающими на запад. Это объединение происходило в условиях борьбы, напоминающей борьбу между греческими городами в Сицилии и других областях, а в историческую эпоху Утика, равно как и некоторые другие города, оказывалась на стороне врагов Карфагена в самые тяжелые для него моменты. История объединения пунических городов нам неизвестна; несомненно лишь, что пунические города Северной Африки составляли симмахию, противостоявшую попыткам греческой колонизации африканских берегов и стремившуюся утвердить свое господство в различных областях западного Средиземноморья. Из Геродота (V, 46) нам известно, что Дорией, сын спартанского царя Анаксандрида, в сопровождении жителей острова Феры, метрополии Киренаики, основал колонию в районе Лептиса Малого. Приблизительно через три года карфагеняне (Геродот, впрочем, называет их финикийцами) вместе с туземными жителями—маками, как называет их Геродот, разрушили город, развалины которого сохранились вплоть до IV в.

Видимо, в V в., при обстоятельствах, достоверно нам не известных, а отмеченных лишь легендами, на побережье Большого Сирта появились

¹ Karstedt, Geschichte der Karthager, стр. VII.

Филиновы алтари [Φιλαίων (или Φιλαιών) βωμοί, агае Philinorum, разграничившие сферы влияния Карфагена и Киренаики (Peripl. S c i l., 109).

Перипл Скилака, относящийся к IV в., указывает, что карфагенские владения (Καρχηδονίων χώρα) тянулись от Большого Сирта до Геркулесовых столпов (ibid., 110). Побережье было усеяно пуническими городами и факториями. Число всех городов неизвестно, но о количестве их можно судить по некоторым литературным данным. Агафокл захватил в районе Карфагена и прилегающих к нему областях, т. е. в современном восточном Тунисе, более 200 городов. 200 городов захватил Регул. В середине II в. Масинисса захватил 300 городов, зависевших от Карфагена¹.

История городов, система организации управления, взаимоотношения с метрополией (Карфагеном), экономическое значение отдельных пунктов — все это остается для нас большей частью неизвестным.

Среди городов мы встречаем старые финикийские города, а наряду с ними колонии Карфагена, и таких было, видимо, большинство. Объединение различных городов с Карфагеном было результатом договорных соглашений, но немалую роль сыграла, вероятно, карфагенская колонизация: рядом со старыми возникали новые поселения, и древние финикийские города оказывались окруженными вновь возникшими карфагенскими колониями. От Геркулесовых столпов колонизация направилась на побережье Атлантического океана. В подтверждение этого можно указать на перипл Ганнона, знаменитого карфагенского путешественника, отправившегося по океану вдоль африканских берегов². Ганнон отправился, вероятно, по приказу карфагенского правительства. Он стоял во главе большого флота из 60 кораблей по пятидесяти весел, с ним было 30000 человек (мужчин и женщин) и необходимые продукты. В указанное число лиц, находившихся на кораблях, не входил корабельный экипаж. Ганнон основал семь новых колоний. В каждой колонии оказалось в среднем по 4500 человек, число, достаточное для первоначального поселения. Впоследствии города разрастались в результате не только абсолютного увеличения народонаселения, но и относительного: города росли не только за счет пунических иммигрантов, но и за счет аборигенов.

Прибрежная полоса с расположенными на ней городами делилась на области. Так, П о л и б и й (III, 96, 12) и Т и т Л и в и й (XXII, 31, 2) называют владения вокруг Малого Сирта Эмпорией. Район Гадрумета, Руспилы, Лептиса (в будущем Малого), Тапса, Ахоллы называется рядом авторов Бизацией (Βυσάτις или Βοζαχίς, Byzantium), а область от мыса Бугаруна до Гибралтарского пролива носила название Метагонии.

Многие писатели называют жителей Эмпории и Бизация ливо-финикийцами (Λιβυφοίνικες). Этот термин встречается у П о л и б и я (III, 33, 10), Д и о д о р а (XII, 113) и у других авторов (например, L i v., XXV, 40, 5). Воснове своей это, несомненно, термин этнографический, им обозначаются жители определенной географической полосы, а именно жители городов, начиная от Большого Сирта до мыса Бугаруна. Население же области Метагонии не причислялось к ливо-финикийцам (P o l y b., III, 33, 13).

После образования финикийских городов в состав их населения влились туземные жители, которые восприняли язык поселенцев, но, как это говорит С а л л ю с т и й (Iug., 78, 4) в отношении говора жителей Леп-

¹ Перечень городов, местоположение которых можно определить по литературным и археологическим данным, см. в книгах: M e s n a g e, Romanisation de l'Afrique, Paris, 1913, стр. 18; S t. G s e l l, ук. соч., II, стр. 81—93.

² «Geogr. Graec. minor.», ed. M ü l l e r, I, стр. 1—14; G s e l l, ук. соч., I, 472, там же библиография.

тиса, не сохранили его в чистоте; произошла известная диффузия в области верований и обычаев, и культура этих городов, оставаясь по форме пунической, восприняла местные элементы.

Огносительно управления городов и колоний имеется мало данных. Из приводимого П о л и б и е м (VII, 9, 5) текста договора между Ганнибалом и Филиппом V мы можем установить, что Карфаген является в принципе федеративной державой. На первом месте стоят города, подвластные карфагенянам, которые управляются по одним с ними законам (τοὺς Καρχηδονίων ὑπάρχουσ, ἕσσι τοῖς αὐτοῖς νόμοις ἡρῶνται), особо стоит город Утика, пользующийся как старейший пунический город особыми правами. Далее идут «города и народы, покорные (ὑπάρχουσι) карфагенянам», потом следуют союзники (συνμαχοῖ). Д и о д о р (XX, 10, 5) говорит о ливийско-финикийских городах как о союзных Карфагену (τῶν συνμαχιῶν πλέων).

В принципе, таким образом, карфагенское государство представляло собою федерацию, напоминавшую первый Афинский союз или, скорее, римско-италийскую федерацию середины III в. В вопросах, касающихся местной жизни, города пользовались самоуправлением. Они избирали магистратов; высшие из которых назывались почти повсюду суфетами. Из Карфагена направлялись официальные чиновники, которые занимались, вероятно, главным образом финансовыми вопросами.

Города, зависимые от Карфагена, не могли заключать друг с другом каких-либо союзов, содержать своих войск, снаряжать военные суда, они не могли вступать в договорные отношения с другими государствами и свободными городами. Военная помощь в случае надобности обеспечивалась самим Карфагеном. В исключительных случаях города должны были поставлять войска. Про Ганнибала, например, П о л и б и й (III, 33, 13) говорит: «Из так называемых метагонитских городов он отрядил в Карфаген другие четыре тысячи пехоты». «Конницы, — читаем мы далее (там же), — оставил он [Ганнибал] четыреста человек ливийско-финикийцев».

Карфагенское государство, как о том можно судить из приводимого Полибием первого договора Рима с Карфагеном, тщательно следило за торговыми оборотами. Оказывая покровительство в торговле, оно взимало значительные пошлины с ввоза и вывоза. Т и т Л и в и й (XXX, IV, 32, 3) указывает, что Лептис давал ежедневно один талант. Сумма эта чрезвычайно велика и вызвала сомнения исследователей. Но она, вероятно, исчислялась с тех оборотов, какие совершались в Лептисе, одном из центров караванной торговли. Несомненно, что налоги на города были обременительны, стеснительной оказывалась и опека Карфагена над городами. Это вызвало недовольство, и противники Карфагена, переносившие войну в Африку, находили, начиная с Агафокла, в пунических городах своих союзников. Однако это противоречие карфагенского политического строя не сказывалось еще в раннюю эпоху, когда Карфаген стремился утвердиться в различных областях западного Средиземноморья. В то время он, несомненно, встречал поддержку других пунических городов и Северной Африки, и Сицилии, и Испании.

II. Заморские завоевания Карфагена

Одной из первых карфагенских (а не вообще финикийских) колоний за пределами Африки был Эбес на Питиусских островах. Основание его Д и о д о р (V, 16), вероятно, на основании Тимея, относит к 654—653 гг. Отсюда открывались пути в Сардинию и Сицилию. Вполне возможно, что около того же времени появились карфагенские поселения и на Балеарских островах. Дальнейшее продвижение встретило сопротивление греков. Фокейцы, как пишет Ф у к и д и д (VI, 1, 13), победили карфагенян и в

560 г. основали колонию Массалию, которая заявила претензии на господство над северо-западным побережьем Средиземного моря, но тенденции массалиотов к талассократии окончились неудачей: в 535 г. при Алалии, у берегов Корсики, соединенный этрусско-карфагенский флот разбил греческую флотилию; Корсика была для греков потеряна. Карфагеняне допустили там обосноваться союзников своих этрусков, и лишь с упадком их могущества Корсика перешла в сферу влияния карфагенян.

Еще в конце VII в. карфагеняне проникли и в Сардинию. Появление их встретило сопротивление местного населения.

Борьба карфагенян за Сицилию продолжалась около трех столетий. Сицилия, не говоря уже о плодородии острова, представляла собою важный пункт на пути из Испании в Сирию. Финикийские колонии, основанные в давние времена, были сильно стеснены греками. Они удерживались, по словам Фукиды (VI, 2, 6), в Мотии, Солоенте и Панорме. Между 560 и 550 гг. карфагенский полководец Малх вел успешную борьбу и захватил часть острова (I u s t., XVIII, 7, 1, 2). Борьба велась с переменным успехом вплоть до 480 г., когда в знаменитой битве при Гимере греки нанесли поражение карфагенскому полководцу Гамилькару; вскоре, в 474 г., в битве при Кумах греки одержали победу над соединенным карфагенско-этрусским флотом; однако, несмотря на эти неудачи, карфагеняне удержались в западной части Сицилии; в течение шестидесяти лет карфагеняне жили в Сицилии по соседству с греками, об активной борьбе в этот период нет нигде упоминаний. Но затишье это было временным: с 409 г. борьба в Сицилии возобновляется и с известными перерывами продолжается до 40-х гг. III в., когда в результате победы римлян карфагеняне совсем были вытеснены из Сицилии. Особенно напряженной была борьба во время Дионисия Старшего, в державу которого входили не только сицилийские, но и италийские земли, а также при Агафокле, который перенес борьбу даже на карфагенскую территорию в Африку; при Пирре, который почти вытеснил карфагенян из Сицилии и подготавливал вторжение в область Карфагена, и, наконец, во времена Первой пунической войны. В пору расцвета своей державы, в IV и в начале III в., карфагеняне владели большей частью острова.

Карфагенская экспансия направлена была и на Пиренейский полуостров, издавна славившийся своими рудниками. Проникновение в пределы Испании было, несомненно, одной из целей оккупации Питиусских островов. Проникновение карфагенян в Испанию началось, видимо, во второй половине VI в. Предлогом была защита старого финикийского города Гадеса от нападений беспокойных соседей (I u s t., XLIV, 5, 2—3). Карфагеняне оказывали сопротивление выходцам из Массалии, также стремившимся утвердиться в Испании, и основали ряд колоний. О том, что в IV в. карфагеняне прочно утвердились в Испании и не пускали туда представителей других государств, свидетельствует второй договор Рима с Карфагеном (P o l u b., III, 24).

О положении подвластных Карфагену внеафриканских территорий имеется мало данных. В Сицилии, например, город Эрик в области элимов управлялся суфетами, чеканил свою монету (G s e l l., ук. соч., III, 6, 13). Греческие города сохраняли автономию, управлялись «по отеческим законам» и, как говорит Додор, платили определенные сборы (XIV, 65, 2); Цицерон утверждает, что римляне сохранили в Сицилии те же отношения, которые существовали и до них (In Vege., III, 6, 13); отсюда можно сделать заключение, что, как и в иных областях Сицилии, жители областей, находившихся под властью Карфагена, платили десятину. В Сицилии всегда находились гарнизоны, подчиненные карфагенскому военачальнику. Хотя по отношению к греческому населению соблюдалась осторож-

ность, и карфагеняне старались не нарушать автономии городов, но сиракузские тираны легко находили поддержку в греческих городах, хотя во время междоусобий в городах, подчиненных Карфагену, находили приют сиракузские эмигранты.

В Сардинии карфагеняне проявляли меньшую осторожность, чем в Сицилии. Известная часть земель принадлежала карфагенянам. Туземные жители платили десятину с урожая, причем сборы эти нередко повышались; жителям запрещено было разводить садовые культуры, отчасти ради того, чтобы не уменьшалось количество хлеба, доставляемое в Карфаген из Сардинии. Жители горных областей Сардинии сохранили независимость и беспокоили набегами области, принадлежавшие карфагенянам, так что последним приходилось содержать гарнизоны (G s e l l, ук. соч., II, стр. 312). Опорой карфагенского могущества в Испании были пунические города. Значительно расширена была здесь территория только при Гамилькаре и его преемниках.

Заморские захваты способствовали развитию карфагенской торговли, но они требовали от государства значительных ресурсов. Сицилия была в течение долгого времени главным объектом карфагенской экспансии, но закрепить прочно господство над значительной частью острова Карфагену так и не удалось.

III. Покорение ливийских племен

В течение веков территория, на которой был расположен Карфаген и другие пунические города, считалась принадлежащей местным жителям, которым владельцы (possessores), карфагеняне, должны были платить сбор, или, употребляя термины римского права, vectigal.

В VI в. карфагенский полководец Малх успешно сражался, по словам Юстина, против африканцев (XVIII, 5, 14), но войны эти не изменили положения ливийских народов.

В конце века сыновьям Магона Великого пришлось вести войну с африканцами, требовавшими уплаты взносов. Войну с ними удалось, как говорит Юстин (XVIII, 1, 4), «закончить не оружием, а деньгами».

Войны с африканцами продолжались. Бесперывные войны, по Юстину (XVIII, 1, 13), были предлогом для отказа карфагенян от выступления против греков, на чем настаивал Дарий.

Видимо, после неудачной битвы в Сицилии при Гимере карфагеняне, во главе которых стояли те же Магониды, сначала сыновья, а потом внуки погибшего при Гимере Гамилькара, повели наступление на ливийцев, в результате чего последние отказались от взносов, какие платил Карфаген с самого своего основания (Afrī compulsi stipendium urbis conditae Carthaginienſis remittere. — I u s t., XIX, 2, 4). Борьба привела не только к освобождению от взносов, но и к подчинению ливийцев власти Карфагена. В конце V в. ливийцы, по данным Диодора (XIII, 44, 54, 80), не в качестве наемников, а в порядке рекрутского набора служат в карфагенских войсках. Таким образом, приблизительно на середину V в. до н. э. падает расширение карфагенской территории в Африке. Пространство от Большого Сирта до города Мадавры, вся долина реки Баграда, бассейны других рек, впадающих в карфагенский залив, — все это стало карфагенским владением. Понятие *λίβυες* у Геродота (II, 32; IV, 197) относится ко всем жителям, населяющим африканский материк от Египта до Океана. Поздние писатели — Полибий (III, 33, 15) и Диодор (XX, 55, 4) говорят о ливийцах (*λίβυες*), как о подданных Карфагена. Независимые же племена называются нумидийцами, номадами (*Νομῶδες*). Если первые были *ἐγυῤῥοι ὑπ᾿ ἰσχυροῖς*, то вторые рассматривались как союз-

ники, *σύμμαχοι*. В цветущую пору Карфагенской державы в одних случаях эти союзные отношения рассматривались как равноправные, в других племенные династы признавали себя зависимыми от Карфагена, в третьих — и это касалось племен, живших по соседству с Карфагеном, — союз этот означал постоянную зависимость их от Карфагена, и если кто-либо нарушал союз, то рассматривался, как мятежник (Diod., XX, 38, 1; XXV, 10, 3).

Образование африканской державы вызывалось различными причинами. Карфагенское государство, распоряжавшееся во всем западном Средиземноморье, не склонно было продолжать признавать себя в какой-то мере зависимым от туземных племен. Играли, несомненно, роль и мотивы обороны. Карфаген не мог мириться с тем, чтобы воинственные племена оказывались под самыми стенами города, и, наконец, не менее сильным был экономический мотив. Население города разрасталось, необходимо было обеспечить его местными, а не привозными предметами первой необходимости. Это приобрело особенное значение после неудач в хлебодородной Сицилии. Вероятно, и до V в. известная часть территории, принадлежащая туземным племенам, обрабатывалась карфагенянами. Экономический рост города приводил неизбежно к развитию сельского хозяйства, в которое могла быть вложена часть ценностей, какие притекали в Карфаген в результате развития торговли, и которое, благодаря значительному притоку рабов, могло быть организовано в широких масштабах. Если одно время Карфаген платил взносы местным жителям, то в результате образования карфагенской территории в Африке известная часть земель была конфискована или оккупирована, и около Карфагена, в плодородной местности, прилегающей к реке Баграду, появились крупные поместья, обрабатывавшиеся трудом рабов. На местное население наложены были тяжелые обязательства. По либий (I, 72, 2) указывает, что во время Первой пунической войны сельское население Ливии должно было платить половину урожая, жители же городов — налог в двойном размере; исходя из этого, можно судить, что в качестве налога взималась известная часть урожая; в военное время горожане должны были платить двойной налог; если удвоен был налог на сельских жителей, то, следовательно, нормально он доходил до $\frac{1}{4}$ урожая. И, наконец, нумидийские города были обложены налогами, которые в чрезвычайных случаях могли повышаться. Кроме того, жители обязаны были поставлять солдат, не в качестве наемников, а в качестве рекрутов, ибо, говоря о наборе солдат среди туземных племен, авторы употребляют термины: *καταυράσειν*, *στρατοδοῦσαι*, *καταλέγειν*, *dilectus*, *conquisitio*¹.

О том, как организовано было управление африканской территорией, нет почти никаких данных. Можно указать, что в городах ставились гарнизоны. А р и с т о т е л ь (Pol., II, 8, 9; VI, 3, 5) указывает, что карфагеняне посылали своих граждан в окрестные города для прибыльных занятий. Здесь идет, видимо, речь о взимании всякого рода податей и сборов.

В речи, какую Т и т Л и в и й (XXVIII, 44, 4) вкладывает в уста Сципиону, тот называет карфагенян суровыми и жестокими господами (*gravibus ac superbis dominis*). Господство их не раз вызывало крупные восстания, которые угрожали самому существованию Карфагенской державы. Это было также одно из противоречий карфагенского социального строя, но тем не менее Карфагенская континентальная держава просуществовала более двух веков и оказала несомненное влияние на последующее

¹ Diod., XIII, 54, 1; 80, 3; XVI, 73, 3; App., Lib., 9; Liv., XXIX, 4, 35, 10.

развитие. Иную точку зрения проводит Карштедт. «Над этой областью, — говорит он, — карфагеняне, привязанные к морскому побережью, господствовали и ее использовали, но никогда не насаждали в ней культуры. Никогда эта область в карфагенскую эпоху не была замирена... Не было ни регулярного суда, ни организованного управления... До самого моря доходили шайки разбойников, и правительство ничего не могло сделать»¹. Автор отрицает всякое воздействие пунической культуры на туземное население. Памятники пунической культуры не восходят ранее, чем к 170 г., когда определенные области подпадают под власть Масиниссы.

Если бы было справедливо то, что говорит Карштедт, жизнь в Карфагене была бы невозможна, государство не в состоянии было бы в нужный для него момент повышать налоги, производить наборы, а между тем нумидийская конница, ливийцы и т. д. постоянно упоминаются в истории пунических войн как прекрасные солдаты, храбро сражающиеся за карфагенян. Нельзя себе представить, что лишь с падением Карфагена стала распространяться пуническая культура, как полагает это Карштедт. И в области, непосредственно принадлежащей Карфагену, и на запад от нее выросли города с вполне определенно выраженной пунической культурой. Некоторые из них еще в римскую эпоху управлялись суфетами. Мы не можем согласиться с Гзеллем, который думает, что этот институт появился в городах в римскую эпоху после освобождения от карфагенской зависимости (ук. соч., II, 302). Судя по тому, что еще в III в. в независимой от Карфагена области были суфеты (там же, V, стр. 132), туземные города организуют управление по карфагенскому образцу, причем во главе управления становится местная аристократия, воспринявшая в той или иной степени пуническую культуру. Не предоставляя городам широких прав, карфагеняне, как это было и в приморской полосе, допускали известную автономию, да в сущности ни в пунических, ни в греческих, ни в римских условиях (республиканской эпохи) не могло быть города, управляемого бюрократией, которая назначается из центра.

IV. Экономика Карфагена

Недостаток источников затрудняет изучение социально-экономической структуры пунического Карфагена. Нам приходится довольствоваться краткими, иногда вскользь брошенными замечаниями античных авторов, проявивших больше интереса к государственному строю Карфагена, чем к его социальной и экономической жизни. Правда, почти все античные авторы подчеркивали ту исключительную роль, какую имело в Карфагене богатство. Ф у к и д и д (VI, 34, 2) говорит о том, что Карфаген владел большим количеством золота и серебра. Для А р и с т о т е л я (Pol., II, 8, 6; IV, 5, 11; V, 10, 9) Карфаген представлял собою ярко выраженную форму плутократии. По мнению П о л и б и я (IX, 11, 2; XVIII, 35, 9), Карфаген — самый богатый город в мире, он указывает, что карфагенянам от природы присущи любостяжание и властолюбие. То же отмечает и Д и о д о р (V, 36, 2).

Отмечая морализирующую тенденцию в этих суждениях, мы должны все же согласиться с тем, что грекам удалось подметить такую черту, которая соответствует вполне объективному положению Карфагена. Карфагеняне являлись прямыми наследниками финикийцев, которые были, по словам М а р к с а, народом торговым *par excellence* (М а р к с и Э н г е л ь с,

¹ K a r s t e d t, указ. соч., стр. 112 сл.

Соч., т. XVII, стр. 147). Исключительная роль, какую играла торговля в жизни Карфагена, не дает никаких оснований говорить о капитализме в античности, наоборот, лишь в условиях преобладания натурального хозяйства, исключительной роли земледелия у большинства народов Средиземноморья финикийская торговля могла достигнуть такого высокого уровня. «Чистота (абстрактная определенность), с которой в древнем мире выступают торговые народы—финикийцы, карфагеняне,—дана как раз самим преобладанием земледельческих народов. Капитал, как торговый или денежный капитал, выступает в такой абстракции именно там, где капитал еще не стал господствующим элементом общества» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, стр. 198). Маркс относит Карфаген, наряду с Александрией, к центрам мировой торговли древности (Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 209).

Положение карфагенян по отношению к другим народам Средиземноморья определило организацию и характер их торговых и иных связей с другими странами. «Торговля первых самостоятельных, пышно развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников (Маркс и Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, стр. 358). «Торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.» (там же, стр. 297).

Договоры Карфагена с Римом, приводимые Полибием (III, 22, 23), подтверждают характеристику карфагенской торговли, данную Марксом. На основании этих договоров мы можем судить, что Карфагенское государство больше, чем какое-либо другое государство древнего мира, оказывало поддержку торговле. Первый договор не позволяет римлянам плыть дальше Прекрасного мыса, расположенного перед самым Карфагеном, во втором договоре назван Терсей, находившийся в Испании. Первый договор позволял торговать в Ливии, Сардинии и Сицилии, во втором оставалась доступной только Сицилия, торговля в Ливии и Сардинии запрещалась.

Таким образом, договорами обеспечивалось преимущественное положение Карфагена даже в тех областях, которые лежали вне сферы его влияния; что же касается территорий, находившихся под властью Карфагена, то в одних случаях карфагеняне имели в отношении торговли особо привилегированное, а в других—занимали монопольное положение. Такую роль карфагенская торговля играла в западном Средиземноморье потому, что она, как указывает Маркс, «основывалась на варварстве производящих народов».

Договоры Карфагена с Римом подтверждают тезис Маркса, касающийся насильственных мер, применявшихся торговыми народами древности. Второй договор, например, предусматривает (и узаконяет) возможность пиратского нападения карфагенян на приморские города, увод мирных жителей в плен и продажу их в рабство. «Если бы карфагеняне,—сказано в договоре,—овладели в Лации каким-либо городом, независимым от римлян, то они могут взять деньги и пленных, а самый город обязаны возвратить», и далее указывается, что если карфагеняне возьмут в плен римского союзника и привезут его в римскую гавань, то любой римлянин может его освободить.

Работорговля в системе карфагенских торговых отношений играла, несомненно, первенствующую роль. Рабы добывались самыми раз-

личными способами, в том числе путем обращения в рабство пленных¹.

Поставщиками рабов были, несомненно, пираты и племенные князья. Карфагеняне выменивали рабов одной категории на другую. Тимей указывает, что на Балеарских островах высоко ценились женщины и за каждую женщину карфагенские купцы получали 4 или 5 мужчин (Diod., V, 17,4; Ps.-Aristot., de mirab. auscult., 88).

Карфагеняне поставляли рабов в разные страны. Через них, вероятно, импортировались из Судана негры, но все же рабовладельческая торговля проходила в пределах Средиземноморья, и, может быть, главное значение Карфагена в истории западного Средиземноморья состояло в том, что под влиянием торговли рабами в широких масштабах разлагались, или во всяком случае быстрее разлагались, первобытно-общинные отношения и большее значение приобретал рабовладельческий уклад.

В течение веков карфагеняне строго соблюдали принцип монополии в отношении определенных областей и не останавливались перед вооруженной защитой своих торговых интересов. Карфагеняне вели торговлю по тем путям, какие издавна были проложены финикийцами. На север через Гибралтарский пролив они доходили до Касситеридских островов (Strabo, III, 5, 14), на юге Африки они достигали Сахары, доходили, может быть, до Сенегала (Gsell, ук. соч., IV, стр. 117). Они связаны были со всеми странами Средиземноморья, о чем свидетельствуют не только указания античных авторов, но и данные археологии. Не всегда, впрочем, можно установить, каким путем проникали в Карфаген или из Карфагена в какую-нибудь страну те или иные товары. Этрусские кувшины, находимые в Карфагене, могли проникнуть туда через Сицилию. Начиная с IV в. в Карфагене появляется большое количество чернофигурных ваз. В V в. они производились в Афинах, но с IV до конца II в. производство их процветало в Кампании и Апулии, откуда они могли быть доставлены в Карфаген. Несомненная связь с Родосом; амфорные ручки, находимые в Карфагене, указывают, что, вероятно, еще в IV, а главным образом в III и II вв. с Родоса ввозилось вино. Относительно предметов торговли существуют различные данные. Вторым после рабов объектом торговли были, несомненно, металлы: издавна из Испании шло серебро. «Эксплоатация испанских серебряных рудников,—говорит Марк,—Карфагеном и позднее Римом оказала в древнее время приблизительно такое же действие, как открытие американских рудников в современной Европе» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, стр. 140). Олово привозилось не только из Испании, но даже из Корнуэллса; золото шло из Африки; экспедиция Ганнона вокруг африканских берегов имела, несомненно, целью найти новые места золоторождения. Из продуктов сельского хозяйства в разные страны карфагеняне вывозили вино и оливковое масло. Наряду с этим играла большую роль торговля предметами роскоши: из Африки шла слоновая кость, страусовые перья, дорогие узорчатые ткани, ковры, вышитые пестушки и т. д.

Несмотря на развитие некоторых отраслей производства, карфагенская торговля оставалась в основе своей посреднической, причем в самой ее организации сохранялось еще много традиционных черт: в то время как в греческих государствах, а особенно в эллинистических странах, большую роль играли деньги, а кредитные отношения в Греции, особенно

¹ Правда, в 409 г. Ганнибал, внук Магоида Гамилькара, в отместку за то, что в 480 г. при Гимере был убит его дед, перерезал 3000 пленным (Diod., XIII, 54). Но такие случаи были, вероятно, редки.

в III в., в какой-то мере приближались даже к системе банков, в Карфагене очень поздно введена была монета; раньше стали ее чеканить сицилийские города, принадлежавшие Карфагену, а потом уже сам Карфаген, при этом карфагенская монета чеканилась по сицилийскому образцу. Появилась она не ранее IV в. При посреднической торговле карфагеняне пользовались, вероятно, монетами различных денежных систем, в варварских же странах они вели меновую торговлю, как об этом писал Геродот (IV, 96).

Ряд пунических надписей, относящихся к карфагенской эпохе, упоминает купцов, причем называются продавцы различных товаров: железа, ладана, золота (Gsell, ук. соч., IV, стр. 109). Судя по скромным посвятельным памятникам, это по преимуществу люди, занимавшиеся перепродажей, что-то вроде греческих *κἀπηλοι*. Но рядом с ними существовали, несомненно, и другие категории лиц, связанных с торговлей: оптовые торговцы, владельцы судов, организаторы караванов, ростовщики, менялы и т. д. Поскольку морская торговля связана была с риском, вполне допустимо предположение, что организовывались компании, прибили ли расходы в которых распределялись сообразно вложенному капиталу (Gsell, ук. соч., IV, стр. 110).

Торговля явилась главным источником богатства карфагенской аристократии. Вокруг торговли развилось много профессий. С торговлей связано было ремесленное производство, которое появилось в Карфагене сравнительно рано, но масштабы торговли и ремесла не находились в том соответствии, какое характерно было для некоторых экономических центров античности. В Карфагене не было таких отраслей производства, которые рассчитаны были бы на снабжение определенным видом товаров целых районов и областей. Отдельные предметы карфагенского производства—изделия из драгоценных металлов, статуэтки, имеющие главным образом культовое значение,—встречаются в различных областях Средиземноморья, особенно западных, но тем не менее Карфаген, так же как и другие города Северной Африки, не был таким центром, товары которого играли монопольную роль на рынке, как, например, керамические изделия Атики. Ремесло обслуживало, за исключением, может быть, предметов роскоши, по преимуществу местный рынок.

Организация ремесла в Карфагене во многом напоминала, вероятно, греческую. Преобладал, повидимому, тип мелкой мастерской, владелец которой работал сам вместе с рабами. В надписях упоминаются каменотес, резчик по мрамору, столяр, пильщик (Gsell, ук. соч., IV, стр. 56, прим. 2), медник, литейщик (там же, стр. 74), изготовитель помады (там же, стр. 106). Относительно частое упоминание профессий на посвященных памятниках указывает на высокое, сравнительно, значение ремесленников в обществе. Ремесленники носят обычно пунические имена, ремесло нередко передается по наследству.

Археологические данные позволяют лучше всего судить о развитии керамического производства (там же, стр. 57). Ранние памятники не отличаются от финикийских и свидетельствуют о египетском влиянии; в V и IV вв. усиливается греческое влияние. Вазы, статуэтки и другие керамические изделия старательно копируют греческие образцы, в некоторых случаях встречается смешение египетско-финикийских мотивов с греческими, но своего особого стиля (подобного хотя бы этрусскому) не создается. Известный интерес представляют маски; они изображают страшных людей, без всякого желания дать ту или иную реалистическую черту. Маски находятся часто в погребениях и носят они, вероятно, магический характер. Повсюду встречается глиняные статуэтки карфагенских божеств.

Большую роль играло производство металлических изделий. Сравнительно редко находятся произведения из железа. Это главным образом оружие. Изделия из бронзы (вазы, графины, блюда, флаконы) создавались под греческим влиянием. Больше оригинальных черт в предметах, изготовленных из благородных металлов (перстни, печати, подвески, кольца, ожерелья и т. п.). Изделия из дорогих металлов были широко распространены в быту карфагенян. Гасдрубал, брат Ганнибала, как сообщают Тит Ливий (24, 39) и Плиний (Nat. Hist., 35, 4), имел серебряный щит весом в 137 фунтов (около 45 кг), у знатных карфагенских юношей были копья из золота и серебра (Diod., XVI, 81, 1). Сама выделка отличалась массивностью, причем больше, чем в керамике, сохранились черты египетско-финикийского стиля.

Ценились дорогие карфагенские ткани, изготовлявшиеся годами. Греческий эрудит Полемон написал целый трактат, посвященный карфагенским тканям (Athen., XII, 58). Греческий поэт V в. Гермипп воспевал карфагенские ковры и расшитые подушки (Athen., I, 49). В Риме высоко ценилась карфагенская кожа, окрашенная в красный цвет.

Таким образом, если в некоторых отраслях промышленности, как, например, в производстве особо дорогих тканей, карфагеняне пользовались известностью, все же ремесленное производство никогда не достигало особой высоты, поскольку вывоз определенных ремесленных товаров никогда не составлял основы карфагенской торговли.

Большее значение, чем в промышленности, имел труд рабов в сельском хозяйстве. Начало развития сельского хозяйства относится, несомненно, к первым векам утверждения финикийцев на африканском побережье Средиземного моря, но особенное значение в экономической жизни Карфагена сельское хозяйство приобрело в V в., после образования карфагенской континентальной державы.

Большое количество рабов, находившихся в руках карфагенян, стимулировало образование крупных земельных владений. Рабы являлись основной принадлежностью крупного сельского хозяйства. Одним из первых пунктов мирного договора с Римом после Второй пунической войны стояло: «карфагенянам предоставляется владеть землею, ископи им принадлежавшею; вместе со стадами, рабами (σώματα) и прочим достоянием» (Polyb., XV, 18, 1). О численности рабов свидетельствует факт, относящийся, видимо, к IV в. и рассказанный Юстином (XXI, 4, 6): Ганнон, предполагая поднять мятеж, собрал отряд, состоящий из 20 000 рабов. Вряд ли все рабы принадлежали Ганнону, хотя возможность эта и не исключена, но, вероятно, это были рабы, занятые в имениях знати. Рабы, принадлежавшие к различным народностям, работали на полях, прикованные друг к другу. Касаясь последнего периода Второй пунической войны, Аппиан (Lib., 15) рассказывает, что Сципион и Масинисса освободили римлян, иберов и сицилийцев, присланных в Ливию Ганнибалом и работавших на полях скотованными.

Массовое применение иноземных рабов в сельском хозяйстве ранее всего появляется в Карфагене; это не было результатом случайного скопления значительного числа пленных. Это было целой системой, развивавшейся в течение веков и нашедшей даже своих теоретиков. Больше, нежели в иных отраслях культуры, оставили карфагеняне в области агрономии, но, судя по тем сведениям, какие сохранились об этих агрономических трактатах, вопросу о том, как рациональнее использовать труд рабов, посвящались целые разделы. По словам Варрона (r. r. I, 17, 4), Кассий, переводчик агрономического труда карфагенянина Магона, на основании своего источника указывал, каким качествам должен соответствовать руководитель рабов.

Наряду с рабами, в карфагенских имениях применялись и свободные рабочие. Варрон (I, 17, 3) цитирует того же Кассия, касаясь применения их труда во время сенокоса, жатвы, сбора винограда и оливок.

Имения, принадлежавшие карфагенянам, организованы были на землях, оккупированных у туземного населения. С этой части земель прежние их владельцы были согнаны. На каких условиях карфагеняне пользовались землей: переходила ли она в их собственность, или же верховным собственником считалось государство — все это остается нам неизвестным.

Остается нам недостаточно ясным и положение туземного сельского хозяйства. На известной части территории ему сохранено было владение землей, но на каких условиях, нам не известно. Видимо, все же, во-первых, государство считалось верховным собственником земли, может быть, по праву завоевания; во-вторых, сидящие на земле туземцы платили большие налоги, рассчитанные в значительной доле урожая, и, в-третьих, свобода передвижения их, видимо, была стеснена. Таким образом, в пределах Африки существовала категория зависимого аграрного населения из прежде свободных местных жителей. Гзелль отмечает, что нет никаких указаний на то, что в карфагенскую эпоху на землях знати сидели арендаторы, платившие собственнику или владельцу известную часть урожая, как это было во времена Римской империи (Gsell, ук. соч., IV, стр. 47).

Нужно думать, что не крупные частные владения, обрабатывавшиеся на определенных условиях арендаторами, были предшественниками позднейших римских салтьусов с сидящими на них колоннами. Прецедентов последних нужно искать в обширных государственных владениях, на которых оставлены были туземцы, вносившие очень большие натуральные налоги.

Различные в известной мере по своей социальной структуре владения карфагенской знати, обрабатывавшиеся рабами, и земли туземного населения, обложенные высоким налогом и обрабатывавшиеся непосредственно полузависимыми держателями-арендаторами, представляли собою разные типы организации сельского хозяйства. Для карфагенских имений характерна интенсивная форма ведения хозяйства, для туземцев — экстенсивная.

Карфагенское интенсивное рабовладельческое хозяйство было в свое время самым передовым.

Это нашло отражение в карфагенских трактатах по сельскому хозяйству, особенно в трактате Магона, о котором римляне отзывались благоприятно даже в момент решительной борьбы с Карфагеном и о переводе которого состоялось специальное сенатское постановление (Colum. de agr. cult., I, 1, 13). Правда, и в области агрономической теории карфагеняне не были самостоятельными. Труд Магона основывался на эллинистических источниках, но он, по словам Варрона (I, 1, 10), превосходил их (I, 3, 9).

Колумелла приводит карфагенскую поговорку, гласящую, что «почва должна быть более слабой (рыхлой), чем земледelec, который ее возделывает, иначе в борьбе с ней он будет подавлен». Способам обработки земли в трактатах уделялось большое внимание, но главное внимание Магона, как показывают ссылки на него римских авторов, было сосредоточено на разведении винограда и оливковых деревьев. В диком виде и виноград, и оливковые кустарники росли в Африке, но культивироваться эти растения стали карфагенянами, а распространение этих культур относится, по видимому, к V в. (Gsell, ук. соч., IV, стр. 19). Тогда уже, вероятно, стали изготовляться карфагенские сухие вина, которые приобрели

известность во времена Римской империи. Карфагенские вина были объектом главным образом морской торговли. Они шли в Киренаику, на Балеарские острова, в Сицилию.

Оливковое масло еще в V в. ввозилось в Африку из Сицилии (Diod., XIII, 81, 4—5). Впоследствии Африка потребляла, видимо, масло по преимуществу местного производства. Садоводство широко распространено было в районе городов (Gsell, ук. соч., IV, стр. 31).

Владения карфагенской знати находились вблизи Карфагена. К городу примыкал, повидимому, пояс виноградных и оливковых насаждений. Что же касается хлебных злаков, то они культивировались главным образом туземцами. Районами разведения хлебных злаков были равнины по реке Меджере, плоскогорья и равнины современного центрального Туниса. Древние авторы превозносили плодородие Бизация (около Гадрумета) и Эмпории, злаки производились в прибрежных областях современного Алжира и Марокко (Gsell, ук. соч., IV, стр. 12). О плодородии некоторых районов сложились настоящие легенды, и у Плиния (V, § 24; XVII, 41; XVIII, 94) есть указания, что урожай в некоторых местах был сам-сто и сам-сто пятьдесят. О количестве производимого хлеба свидетельствует тот факт, что в 203 г. Сципион потребовал у карфагенян, добывавшихся мира, 500 000 модиев (43770 гектолитров) пшеницы и 300 000 модиев (26262 гектолитров) ячменя (Liv., XXX, 16, 11). После заключения мира в 201 г. Сципион направил крупнейшее количество зерна в Рим, и эдилы продавали его по очень дешевой цене (Liv., XXXI, 4, 6).

Таким образом, сельское хозяйство в Карфагене развивалось, но с развитием этой отрасли экономики углублялись противоречия карфагенского строя: основное противоречие между рабовладельцами и рабами и то противоречие, которое углублялось по мере роста карфагенской континентальной территории,— между карфагенянами и покоренным туземным населением.

V. Политический строй в Карфагене

На страже интересов крупных рабовладельцев стояло государство, которому приходилось разрешать необычайно сложные задачи. Основанное в пределах чужой страны небольшой сравнительно группой иммигрантов, Карфагенское государство должно было обеспечить пуническую монополию в определенных областях Средиземноморья. Отсюда его агрессивная заморская внешняя политика, требовавшая нередко напряжения сил. По мере роста континентальной территории и увеличения числа рабов росли внутренние противоречия, которые прорывались массовыми восстаниями. К этому нужно присоединить классовую дифференциацию внутри свободного карфагенского общества: противоречия между Карфагеном и подчиненными ему городами, между малоимущими и неимущими свободными, с одной стороны, и плутократией, с другой, и, наконец, противоречия внутри господствующей прослойки, внутри самой плутократии.

Политический строй Карфагена изучался больше, чем другие стороны карфагенской истории, но ни эволюции его, ни более или менее отчетливой его характеристики мы дать не в состоянии ввиду недостаточности наших источников. Одним из главных источников по этому вопросу является суждение Аристотеля, данное им во второй книге «Политики». Аристотель считает многие стороны карфагенского политического строя прекрасными. «Доказательством того, что государственное устройство

(в Карфагене) является правильным, служит то, что народ подчиняется государству и, как говорят, там не происходило восстаний и не возникало тирании».

Это положение свидетельствует о глубоком понимании Аристотелем сущности государства, но все же оно показывает, что о Карфагене Аристотель судил издали и подошел к карфагенскому строю как теоретик-систематизатор. На чисто формальном основании Аристотель считает строй Карфагена похожим на строй Лакедемона и Крита и характеристику карфагенского строя ведет, сравнивая его со спартанским, причем, повидимому, более известное Аристотелю заменяет то, что известно недостаточно. Поэтому оказалось, например, что «власть ста четырех соответствует спартанским эфорам» (Pol., II, 8, 2), хотя уже соотношение количества тех и других мало говорит об этом сходстве. При общей характеристике карфагенского строя Аристотель руководствуется теми нормами, какие должны быть, по его мнению, присущи государству с правильным устройством Карфаген не является ни аристократией, ни политией. И, «если судить о карфагенском строе в отношении его к тем задачам, которые имеют в виду аристократия и полития, то в нем некоторые элементы склоняются скорее в сторону демократии, другие в сторону олигархии» (Pol., II, 8, 3).

Высших должностных лиц Аристотель называет царями (Pol., II, 8, 2; ср. P o l y b., VI, 51, 2), но другие источники называют их, как и высших должностных лиц других пунических городов, суфетами (L i v., XXX, 17, 5; XXXIV, 61, 15). Суфеты избирались на один год (S o r n. N e r., Hannib., VI, 4), который и назывался по их имени. Суфеты избирались из среды знатных и богатых карфагенян (A r i s t., Pol., II, 8, 5). Власть суфетов была, вероятно, подобна власти римских консулов, но, судя по всему, в III в., во всяком случае, у них не было военной власти.

Из других органов Аристотель называет герусию, уподобляя ее такому же спартанскому учреждению. У П о л и б и я (X, 18, 1; XXXVI, 4, 6) различаются *γερουσία* и *σβυλιητος*. У латинских авторов этим терминам соответствуют *senatus* и *consilium*. Последний, судя по данным Тита Л и в и я (XLII, 24), состоял из 30 человек. Он-то, видимо, и играл главную роль в государственном управлении. Этот аристократический совет являлся частью сената; число членов последнего определяют обычно в 300 человек, но заключение это основано на домыслах, прямых указаний в источниках нет (G s e l l, ук. соч., II, стр. 245).

Совет ста четырех был, повидимому, как бы контрольным органом, ему принадлежали, очевидно, и определенные судебные функции, особенно в важных политических делах.

Аристотель (Pol., II, 8, 4) говорит еще о пентархиях, «которые обладают многими важными функциями, кооптируются сами собою... избирают совет ста, высшую власть; они остаются у власти в течение времени, более продолжительного, чем другие начальствующие лица».

В других источниках о пентархиях нет упоминаний. Может быть, это были государственные учреждения, проводившие подготовительную работу и влиявшие на ход выборов и ход управления. Вопрос о пентархиях остается неясным¹. Несомненным остается то, что они были орудием олигархии, о чем говорит Аристотель.

¹ Произвольно предположение Г е е р е н а и М е л ь ц е р а (Gesch. der Karthager, II, стр. 56 сл.), что были две пентархии. Правдоподобнее допущение Г з е л ь я (ук. соч., II, стр. 209, 210), что пентархии были своего рода сенатские ведомственные комиссии при магистратах.

Во II в. до н. э. было модным считать разумным такое государственное устройство, в котором сочетаются три принципа: монархия, аристократия и демократия. Самое яркое применение этой теории встречаем мы у Полибия в общей его характеристике римского государственного строя. Карфагенский строй, по Полибию, походил на римский и в существе своем был строем превосходным, но, согласно другой теоретической предпосылке, он изжил самого себя: «Карфаген уже отцветал в это время, а Рим, по крайней мере в отношении государственных учреждений, находился в самом цветущем состоянии» (Polyb., VI, 51, 5). Современник Полибия и известный ненавистник Карфагена Катон, как об этом свидетельствует один из комментаторов «Энеиды», также считал, что в Карфагене разумно сочетается власть народа, оптиматов и царей (Deut. Serv., In Aen., IV, 682).

Итак, античные теоретики карфагенского строя признавали власть народа одним из главных элементов карфагенского политического устройства. Аристотель видел даже в Карфагене элементы демократического (в отрицательном, по Аристотелю, значении этого понятия) строя: когда были разногласия среди геронтов, то решающий голос принадлежал народу. Ни о том, кто мог участвовать в народном собрании, ни о том, кем, в каких случаях и в каком порядке оно собиралось, — сведений у нас нет. Есть основания предполагать, — основываясь и на тех отрывочных сведениях из карфагенской истории, какие нам дают отдельные авторы, и на тех общих заключениях, какие содержатся у Аристотеля, что народное собрание в Карфагене играло самостоятельную роль в период кризисов, в период раскола среди знати, в прочее же время оно находилось под влиянием аристократии. Несомненно, что свободное население Карфагена, так же как и аристократические его слои, было заинтересовано в расширении его владений; правящая олигархия принимала частичные меры к удовлетворению его нужд: она отправляла людей в колонии, она посылала их, как об этом свидетельствует Аристотель, в окрестные города (Pol., II, 8, 9; VI, 3, 5). Во всяком случае политика экспансии не встречала сопротивления со стороны карфагенского демоса.

В последний период карфагенской истории демос оказывал большее влияние на ход политических событий, чем в предшествующие эпохи. Но, судя по тем данным, какие у нас имеются, роль народного собрания в Карфагене была значительно меньше, чем в Риме, не говоря уже о демократических Афинах.

Все нити управления находились в руках правящей аристократии, или, употребляя античные термины, плутократии, потому что торговля, приток материальных ценностей — все это привело к тому, что иные отношения, кроме богатства и бедности, отошли на задний план. Знатность, лишенная богатства, не имела, видимо, в Карфагене значения. Лица, принадлежащие к этой высшей в социальном отношении группе, носят в источниках название *ἔυδοτοί, ἄριστοι, ἐπιφανείς, ἐπιφανέστατοι, nobiles, optimates*¹; в пунических надписях, относящихся к карфагенской эпохе, представители знати охотно перечисляют своих знатных предков. Эпиграфические данные указывают также на то, что различные официальные должности и жреческие места переходили по наследству из поколения в поколение. Среди аристократии возвышались наиболее видные *οἱ πρῶτοι ἄνδρες, principes, primi civitatis*², а среди

¹ Polyb., I, 46, 4, 86, 6; XI, 3, 3; App.; Liv., 48, 55; Di od., XIX, 106, 2; XX, 8, 4; XXIII, 12, 1; Liv., XXI, 50; XXII, 58; XXIII, 41; Cic., de offic., III, 26, 99.

² Polyb., I, 31, 5; Liv., XXI, 2; XXXII, 26.

них выделялось всего лишь несколько фамилий, игравших выдающуюся политическую роль на протяжении всей карфагенской истории.

Такого сочетания наследственной иерархии с плутократическим началом мы не найдем в других античных государствах.

VI. Социальные противоречия в пуническом Карфагене

Внутренняя политическая история Карфагена до середины III в. нам мало известна. Мы не слышим о борьбе между плутократией и демосом, последний не выступает как самостоятельная сила подобно афинскому народу или римским плебейам; борьба происходит внутри господствующей плутократии; больше всего данных об этой борьбе сохранилось у Юстина, нужно, однако, заметить, что сведения Юстина носят во многих случаях анекдотический характер.

Несмотря на скудость наших источников есть основания утверждать, что Карфагенская держава создавалась крупными конквистадорами, принадлежавшими к выдающимся родам, но тем не менее вступавшими нередко в конфликт с правящей знатью. Одним из первых известных в истории деятелей Карфагена был Малх. Он успешно воевал в Африке и Сицилии, но потерпел поражение в Сардинии и за это осужден был на изгнание. Не добившись прощания ни просьбами, ни угрозами, Малх высадился в Африке и после осады захватил Карфаген. Он наказал десять сенаторов, настаивавших на его изгнании, но пощадил остальных. Вскоре, однако, противники Малха усилились: обвиненный в стремлении к тирании, он был казнен (*I u s t.*, XVIII, 7).

После него в течение трех поколений преобладающее значение имела фамилия Магонидов. О деятельности Магона говорит Ю ст и н: «его прилежанием усилилась власть карфагенян, расширились границы державы и возросла военная слава» (XVII, 7, 9). В другом месте Ю ст и н (XIX, 1,1) называет его создателем карфагенской мощи (*Mago, Carthaginiensium imperator... imperium Poenorum condidisset*).

После Магона осталось два сына: Гасдрубал и Гамилькар, продолжавших дело отца. С их деятельностью связаны войны в западном Средиземноморье (Гамилькар погиб при Гимере) и в Африке, сначала неудачные, а потом победоносные, закончившиеся образованием Карфагенской континентальной державы. Руководителем в борьбе против туземных африканских племен был Ганнон, бывший деятельным представителем Магонидов. Упадок Магонидов начинается в середине V в., но еще в 410 г. праправнук Магона Гимилькон руководит экспедицией в Сицилию.

Подобно Малху, Магонидам нередко приходилось вступать в конфликты с правящей аристократией. Поскольку фамилия, давшая столько полководцев, утверждает Ю ст и н (XIX, 2, 5—6), представляла опасность для свободы государства, избрано было из числа сенаторов сто судей, которым полководцы должны были делать отчет по окончании каждой войны.

Некоторым из Магонидов пришлось поплатиться в результате их самодержавной политики. Гискон, внук Магона, был изгнан и бежал в Сицилию. Ганнон, создатель карфагенской державы в Африке, также погиб в результате происков аристократии (*I u s t.*, XXII, 7, 10).

В IV в. нередко случалось, что во главе государства стояло два враждующих между собою политических деятеля. Политическая вражда вела иногда к настоящему предательству. В середине IV в. во главе государства стояли Ганнон, прозванный Великим, и Суниат. Последний был связан с сицилийским тираном Дионисием и в письме сообщил ему о том,

что Ганнон готовится к походу в Сицилию. Суниат был осужден как предатель, и карфагенский сенат вынес после этого постановление, гласившее, что ни один карфагянин не должен учиться ни писать, ни говорить по-гречески, чтобы не иметь возможности ни разговаривать с врагом, ни писать ему без переводчика (*I u s t.*, XX, 5, 12).

Но вскоре погиб насильственной смертью и соперник Суниата Ганнон Великий. Ю с т и н рассказывает (XXI, 4), что Ганнон хотел освободиться от сената и решил устроить это в день свадьбы своей дочери. Народу предназначалось угощение под портиками, сенаторы же должны были пировать в доме самого Ганнона, и для них приготовлен был отравленный напиток. Рабы Ганнона выдали заговор карфагенским магистратам, но те не решились привлечь Ганнона к ответственности, а ограничились лишь тем, что установили предельную сумму, какую можно было истратить на свадьбу.

Поскольку постановление это помешало Ганнону осуществить свой замысел, он решил привести его в исполнение насильственным путем и с этой целью призвал к свободе и вооружил 20 000 рабов, занял с ними укрепленное место и обратился с призывом к ливийцам, а также мавританскому царю. Однако Ганнон не мог устоять против карфагенского войска и был захвачен своими противниками. В присутствии народа его наказали розгами, вырвали ему глаза, отрубили руки и ноги и лишь после этого лишили жизни. В рассказе этом есть и фантастические черты; занимательные подробности приданы ему были, вероятно, Тимеем, от которого через посредство недостаточно известных нам источников они перешли к Юстину и О р о з и ю (IV, 6, 16—20). Но в основе своей версия, касающаяся заговора Ганнона и его гибели, очевидно, правильная, ибо указание на попытку со стороны Ганнона произвести в Карфагене тиранический переворот есть у А р и с т о т е л я (*Pol.*, V, 3, 2).

Сам по себе факт этот, несомненно, очень важен для истории Карфагена. В нем обнаруживаются главные противоречия карфагенского строя: и противоречие между рабами и рабовладельцами, и противоречие между господствующим народом и покоренным населением, и противоречие внутри господствующего класса. В основе своей конфликт возник в недрах господствующего класса, но во взаимной борьбе рабовладельцы склонны были иногда обращаться и к рабам и к покоренному населению.

Полиен говорит об осуждении двух братьев: Гамилькара и Гискона. Первый был победителем во многих сражениях, но, обвиненный в попытке установить тиранию, был предан смертной казни. Гискон был сначала выслан, но потом был возвращен, получил широкие военные полномочия и вернулся победителем. Своих врагов он подверг публичному бесчестью, но сохранил им жизнь. Однако в последующих войнах Гискон терпел неудачи и снова был выслан (*Strateg.*, V, II). Диодор (XVI, 81, 3) говорит о Гисконе, сыне Ганнона Великого. Вполне возможно, что и Гамилькар и Гискон были детьми Ганнона, семья которого, как в свое время Магоныды, занимала руководящее положение в государстве (*Gsell*, ук. соч., 248).

Другой полководец, Гамилькар, ради своих честолюбивых замыслов, помог Агафоклу захватить власть, за что и был осужден карфагенским сенатом (*I u s t.*, XXII, 3). Племянник Гамилькара Бомилькар потерпел поражение в битве с Агафоклом, вторгнувшимся в Африку. Через некоторое время под предлогом смотра Бомилькар собрал армию около пунического Неаполя. Отбрав надежный отряд из граждан и наемников, он провозгласил себя тираном, и солдаты его убивали всех, кто встречался на пути. В Карфагене, где появились войска Бомилькара, началась паника, но отрядам знатной молодежи, организованным по инициативе Сената.

удалось прекратить мятеж. Бомилькар был разбит у Неаполя (D i o d., XX, 43, 2; 44, 1—6) и распят на кресте (I u s t., XXII, 7, 8—11).

Даже эти сведения о внутренней жизни Карфагена заставляют подвергнуть сомнению положение Аристотеля, утверждавшего, что разумное государственное устройство не допускало в Карфагене перехода к тирании. Попытки захватить власть возникали неоднократно, но они разбивались о мощную олигархию, разделенную на партии и котерии, но объединяющуюся, когда грозила опасность со стороны того или иного могущественного полководца, который опирался нередко на малоимущие и неимущие слои населения.

Еще меньше соответствует действительности утверждение Аристотеля, что карфагенская полиция предохраняла государство от восстаний.

После образования карфагенской континентальной территории отчетливее стали сказываться противоречия между рабами и рабовладельцами. Если до того рабы были заняты в городе и рассеяны по многим домам, мастерским, лавкам, кораблям и докам, то теперь они сосредоточены были в крупных поместьях. Опасность представляло и туземное ливийское население, потерявшее независимость и в массе своей превращенное в полужависимых крестьян.

Термин «ливийцы» у Геродота употребляется в отношении всех племен, живущих от Нильской долины до Гибралтарского пролива. Впоследствии это название стало употребляться в ином значении. Видимо, из более известных нам авторов Тимей, затем Полибий, а за ними уже Диодор и Аппиан считают ливийцами туземные племена, подвластные Карфагену. До II в. почти одни только они из всех туземных жителей Африки занимаются земледелием. Римляне дали им название *Agri*, слово, этимология которого неизвестна. Независимые от Карфагена берберийские племена начиная с IV века называются ливийцами в отличие от нумидийцев.

Историю туземных племен и историю Карфагена нельзя рассматривать как два параллельных, независимых друг от друга ряда. Значение Карфагена в истории Северной Африки заключалось в том, что под влиянием его процесс разложения первобытно-общинного строя и процесс классовобразования происходил быстрее. Развитие шло интенсивнее у тех племен, которые жили вблизи карфагенской территории. Племенные объединения перерастают в более или менее прочные объединения типа военных демократий.

Но образование берберийских «царств» не вело еще как-то автоматически к вытеснению и к гибели Карфагена. Последний сохранял значение экономического и культурного центра Северной Африки. В новых политических образованиях усваивалась пуническая культура, на их территории развивались города с ливиио-финикийским населением и ливиио-финикийскими порядками; тем не менее развитие туземных царств было, несомненно, одним из внешних противоречий карфагенской истории. Оно усугублялось противоречием внутренним. На карфагенской территории Африки сидели племена, близкие нумидийцам по языку и по культуре и готовые всегда оказать им поддержку.

Соседство нумидийцев особенно опасно было в периоды внешнеполитических затруднений Карфагена. После поражения, нанесенного в Сицилии Дионисием Старшим карфагенскому полководцу Гимилькону, поднялись ливийцы, к которым присоединились рабы. Восставшие, число которых Диодор определяет в 200 тыс. чел., сосредоточились около Туниса. Вначале карфагенские войска были разбиты; лишь в результате жестокого напряжения всех сил удалось подавить восстание (D i o d., XIV, 77, 1).

Когда Агафокл был в Африке, карфагеняне (в 309 г.) организовали экспедицию против нумидийцев (D i o d., XX, 43, 2), желая тем самым продемонстрировать свою мощь и предотвратить возможность союза их с Агафоклом, но тем не менее некоторые племена вступили с Агафоклом в союз (D i o d., XX, 55, 3).

В период Первой пунической войны, во время вторжения Регула, нумидийцы нападали на карфагенскую территорию, «причиняя стране, по словам П о л и б и я (I, 31, 2), не только не меньший вред, нежели римляне, но скорее больший». С особенной же остротой сказались все противоречия во время движения 241—238 гг., которое отнюдь не было лишь восстанием наемников, как принято его трактовать.

Обзор внутренних и внешних событий карфагенской истории до начала III в., общая характеристика социально-экономических отношений, сложившихся к этому времени, убеждает в том, что нет никаких оснований игнорировать историю мощной африканской державы, заявлявшей одно время претензии на гегемонию в западном Средиземноморье.

Политический строй Карфагена любопытен в том отношении, что он во многом напоминает строй греческих городов. Город-государство, равно как объединение полисов под властью центрального города-государства («симмахия») оказываются, таким образом, явлениями, присущими не только греко-латинскому миру, а встречаются у народа, происходящего из наиболее распространенной в древности семьи восточных народов. Таким образом, отнюдь не этнические особенности, а совокупность определенных социально-экономических условий определяет политическое развитие.

Но вместе с тем в карфагенском развитии есть и особенности. Народ торговый по преимуществу в начале своего развития, карфагеняне обращаются к земледелию, используя и развивая технику сельского хозяйства и эксплуатируя в широких масштабах труд рабов. «Рациональная», другими словами, беспощадная эксплуатация рабов в наиболее отчетливой форме появилась именно в Карфагене.

На определенной ступени развития изолированная жизнь полисов препятствовала развитию рабовладельческого общества. Объединительные попытки были отнюдь не проявлением героизма и стратегических способностей отдельных полководцев, а диктовались объективными условиями. Держава сиракузских тиранов ограничивалась территорией, населенной по преимуществу греками или народами, находившимися под греческим влиянием. Карфаген сделал первую попытку принудительного объединения под свою власть различных областей западного Средиземноморья. В этом отношении он был предшественником Рима, с которым ему пришлось повести длительную борьбу, составляющую самое крупное событие в истории всего III ст. до н. э.

